

То, что землю ловешь ты, —
земля, когда за нее умирают.
Но если яма, в которой
гниешь ты,
то разве землю ее
называют?

То, что знаменем ты
называешь, —
Знамя, коль реет свободно
и гордо.
Но если становится
нищенской торбой,
знаменем разве его
называют?

То, что терпеньем тобою
зовется, —
терпение, если однажды
взорвется.
Но если, как порох
подмокший, скисает,
то разве терпеньем его
называют?

Фахри Эрдинч быстро сближается с поэтами так называемого «нового» направления в турецкой литературе, возникшего в начале второй мировой войны когда группа «Треножник» — Орхан Вели, Окай Рифат и Мелих Джевдет — провозгласила «священную войну» эстетской поэзии. Большинство народа неграмотно. Значит надо писать предельно просто, чтобы стихи запомнились наизусть с первого раза, звучали, как пословица. Ни сладкозвучие, ни рифма, ни цветистые образы, а мысль делает поэзию поэзией, утверждали основатели «нового» направления.

Многие произведения Фахри Эрдинча отмечены влиянием Орхана Вели и Мелиха Джевдета. Но к жесткому сатирическому стилю Мелиха Джевдета,

печальному юмору и на родному стамбульскому говору Орхана Вели Фахри Эрдинч добавил романтизм активного героического действия, суровую простоту и своеобразие поэтического мышления анатолийского крестьянина. Последние годы Фахри Эрдинч вынужден жить за пределами родной страны. И понятно, что многие его стихи пронизаны настроениями но-стальгии.

В душе Фахри Эрдинча жила тоска и мечта о поэзии, веками живущей в народе, и чувство нераздельного слияния с ним. Может быть, именно поэту Фахри Эрдинч ощутил себя вправе начать борьбу с фатализмом, покорностью, пассивностью, которые веками насаждались духовенством и властью имущими в турецком крестьянстве. В его книге есть раздел «Старье берем!», где поэт, перелицовывая крестьянские поговорки, запечатлевшие вековую кость, обнажает их истинный социальный смысл. Говорят, например, «склоненную голову меч не сечет», «руку, которую не можешь согнуть, поцелуй», «змея, что меня не жалит, пусть живет тысячу лет» и т. д. На каждую из таких поговорок Фахри Эрдинч дает остроумную поэтическую отповедь, заключительные строки которой сами звучат пословицей.

Фахри Эрдинч влюблен в жизнь, ему дорога ее грубая, шершавая оболочка. Жизнь воспринимается поэтом как величайшее счастье. Смерть любого живого существа для него — «ножевая рана». И неудивительно, что его стихи в защиту жизни и мира, которых немало в книге, звучат с такой подкупающей искренностью и простотой.

Каждый сон малышу в
толыбели
Прибавляет зернышко веса,
Прибавляет вершок длины.
Вот где надо искать причину.
Отчего мы в мир влюблены.

В начале нашего века замечательный поэт Тевфик Фикрет в цикле стихотворных посланий к своему сыну Халюку выразил веру в победу гуманности над варварством, разума над невежеством, справедливости над насилием, ибо «каждая ночь имеет утро». С тех пор такие поэтические завещания стали своеобразной традицией в турецкой литературе. Фахри Эрдинч в «Неотправленных письмах к сыну» завещает ему «прежде всех прочих слов научиться писать слова «труд» и «хлеб».

Эти слова можно было бы начертать на знамени передовой поэзии Турции. В хор ее голосов уверенный голос Фахри Эрдинча вливается, как поток, нашедший наконец свое русло.

Р. Фиш.

ОТКРОВЕНИЯ БЫВШЕГО ПИСАТЕЛЯ

«Expresse» N 412 juin, 1957,
«Arts» N 624, juin, 1957,
Paris.

«Я верю в неаивность и смерть...» Трудно найти более лаконичную и точную формулу, выражающую credo писателя, постранные интервью с которым опубли-

ковали недавно парижские еженедельники «Экспресс» и «Ар».

С фотографии, помещенной в этих изданиях на нас глядит помятое лицо человека лет за шестидесять, со злым прищуром маленьких глаз и хищным оскалом большого рта. Это незабываемый Луи-Фердинанд Селин. Тот самый Селин, который приобрел до войны шумную известность своим «Путешествием на край ночи», по странной aberrации принятым некоторыми критиками за «разоблачение капитализма» и «проклятие

буржуазному обществу»; тот самый Селин, который своими книгами и жизнью доказал всю незаслуженность поношений, что обрушили на него в свое время близорукие критики из лагеря реакции; тот самый Селин, который в годы войны скатился к национальному предательству, сотрудничал с фашистскими оккупантами, а затем пытался укрыться в Дании от народного гнева и, наконец, предстал перед судом, но был приговорен (уж не из уважения ли к талантам этого «разоблачителя» и «бунтаря»?)

всего лишь к году условного тюремного заключения.

Признаемся, когда мы увидели интервью с Селином, занимающее в «Экспрессе» целые три полосы, мы на минуту подумали, что он хоть что-то переосмыслил, что он хочет сказать нечто новое. Увы, Селин принадлежит к числу людей, которые ничему не научились и ничего не забыли. Это сказывается не только в пресловутом «селиновском» стиле (по-прежнему на каждой строчке пестрят заборные слова, сопровождаемые многоточиями и восклицательными знаками) и не только в обычном самовосхвалении и паясничестве, но прежде всего в извращенном смаковании собственного цинизма и бесстыдства.

Презирая людей и подлинно человеческие чувства, Селин, естественно, презирает и свой собственный литературный труд. Нет, он вовсе не намерен обогатить читателя своим видением мира, поделиться с ним своими раздумьями. «На читателя мне наплевать», — заявляет Селин. — Конечно, я хочу, чтобы мои книги покупались и чтобы их было не скучно читать. Но что обо мне подумают, мне наплевать». Селин утверждает, что он всегда писал только ради процесса писания, но печатался — ради денег. Если бы у него сейчас были деньги, он вообще ничего не писал бы. Вот например, если «Экспресс» даст ему пенсию в 100 тысяч франков в месяц, он готов умолкнуть навсегда...

Чего вы ждете от своей новой книги? — спросили его. «Аванс от Галлимара».

Не изменились и политические взгляды Селина. Он по-прежнему рассуждает как фашист. Поругивая для видимости Гитлера, он тут же оговаривается, что Гитлер «делал кое-что конструктивное». Что же именно? Оказывается, он «создал Европу», «франко-германскую Европу», которую «невозможно создать без вермахта». Знакомые мотивы! Знакомые со времен Абеца. Из того же зловонного источника черпает Селин и гнусные измышления

о «желтой опасности», якобы угрожающей «белой расе» (господь — А. Б.) для которой «нет счастливого завтра». Французы же, по Селину, конечно пропащий народ: в недалеком будущем «Париж будет оккупирован и разделен на три зоны — русскую, американскую и французскую (Монмартр)». Впрочем, войну он призывает: война «означает порядок».

Интервью Селина проникнуто ненавистью ко всему и всем. И когда корреспондент «Ар» спросил его: «Во что же вы верите?» последовал ответ, в своем роде классический ответ, с которого мы начали эту заметку: «В свою ненависть и смерть, которая не за горами и вызовет удовлетворение во всех уголках мира. Вам этого достаточно?»

Действительно, этого достаточно. Селин полагает, что он близок к смерти. Что ж, он врач, ему виднее. Очевидно другое: он давно уже превратился в живой труп, издающий тошно-ворный запах тления. Это предельно ясно.

Не вполне ясно, однако, зачем понадобилось французским журналам печатать интервью с Селином и, мало того, помещать отрывок из его нового романа «От замка к замку», как это сделал «Экспресс», и поднимать дискуссию о значении его творчества и влиянии его на современную французскую литературу, как это сделал «Ар». Почему и тот и другой еженедельники отводят Селину на своих страницах такое завидное место? Мы вряд ли ошибемся, сказав, что интервью с Селином преследуют чисто коммерческую цель — привлечь внимание к его новой книге. Но, надо думать, это не единственная причина, побудившая «Экспресс» и «Ар» обратиться к смертяшкину-Селину. Похоже на то, что эти еженедельники хотели сохранить видимость критического отношения к Селину, пропагандируя его взгляды и идеи, которые весьма устраивают сегодня определенные политические круги Франции, развязывающие силы фашизма и мра-

кобесия и толкающие страну к новой войне.

Быть может, «Экспресс» находит, что редакционная врезка, где говорится, что Селин создал себе «монумент из грязи» и что его роман «Путешествие на край ночи» является отнюдь не выражением протеста против социальной несправедливости, а результатом «отвращения к человеку», этой «свинье, которую надо кормить и дрессировать», — служит журналу достаточным оправданием? Но ведь эта врезка странным образом противоречит и «возражениям» Селину со стороны «Экспресс» — возражениям, которые звучат скорее подтверждением. Так, когда Селин вопит о мнимой опасности, грозящей из Китая, который-де со временем раздавит Запад, «Экспресс» лишь мимоходом замечает, что это произойдет... не сегодня — завтра. Если с помощью таких оговорок «Экспресс» думает отмежеваться от Селина, то тем хуже для «Экспресс».

Быть может, «Ар» полагает, что каверзные вопросы, которые задает Селину корреспондент, также выражают его отношение к разглаговольствованиям этого писателя. Однако не правильнее ли видеть это отношение в опубликованных рядом с интервью в сказываниях Жака Перре или Жана Дютюра, воскуривших филям Селину, или выдержке из лекции де Фаллуа, где превозносится «стиль» автора «Путешествия на край ночи»? Эти славословия выглядят по меньшей мере странно рядом с циничным саморазоблачением самого Селина.

Что же касается нового романа Селина, выход которого в свет и послужил формальным поводом для интервью, то мы еще не имели сомнительного удовольствия познакомиться с ним. Однако, судя по отрывку, напечатанному в «Экспрессе», роман этот вполне «на уровне» интервью. Да и чего ждать от писателя, который сделал своим символом веры ненависть и смерть?

А. Брагинский